

Наука и классы

“Капитал” – произведение, родившееся в научной и политической борьбе. Он включает в себя: анализ развития, закономерностей и врождённых противоречий капиталистической системы, делающих её исторически преходящей; критику экономической науки – политической экономии, – выражавшей интересы класса буржуазии в ходе его восхождения; критику апологетических идеологий, получивших распространение с тех пор, как буржуазия стала господствующим классом.

Реконструируя “теории прибавочной стоимости”, Маркс, с одной стороны, отводит центральное место понятию *прибавочной стоимости*, которое выражает общественное отношение между *капиталом* и *наёмным трудом*, между *буржуазией* и *пролетариатом*, являющееся основным противоречием капиталистического способа производства, а с другой – анализирует историю этого понятия, т. е. интерпретации процессов происхождения богатства, создания “излишков” и накопления, которые крупнейшие теоретики буржуазии предлагали на различных ступенях развития своего класса.

На теоретическом уровне история “теорий прибавочной стоимости” представляет собой великолепный материал для приложения исторического материализма к области отношений между основными классами и отражения их борьбы в формировании экономической мысли. На политическом уровне Маркс рассматривает понятие “прибавочной стоимости” как чёткую демаркационную линию с оппортунизмом. В своих “Экономическо-философских рукописях 1844 года” Маркс перечисляет тезисы, которые вульгарные экономисты противопоставляют уже имеющемуся понятию прибавочной стоимости, сформулированному Адамом Смитом и Давидом Рикардо, позже эта свора сфокусируется на противостоянии марксистскому анализу. Оппортунизм предпочитает “гуманистическую”, романтическую или пиетистскую терминологию, заменяя пролетариев бедными и обездоленными, эксплуатируемых – угнетёнными, рабочий класс – народом и гражданами, прибавочную стоимость – потом и мозолистыми руками. Это мелкобуржуазная иллюзия «сделать социализм симпатичным» буржуазии, как говорил Антонио Лабриола, упрекая Филиппо Турати. Оппортунизм усовершенствовал свои идеологии, сместив объектив с производственных отношений на отношения распределения, мистифицируя их и пряча прибавочную стоимость в “джунглях дохода”, в ручейках вэлфера или в узкой кабине “социального лифта”, что было востребовано в условиях формирования *рабочей аристократии* и *социального государства*, ставших инструментами империализма и *буржуазной рабочей партии*. [...]

В “Теориях прибавочной стоимости” Маркс выбирает в качестве привилегированных собеседников великих представителей буржуазной экономической науки. Таким образом он подвергает испытанию зарождающуюся науку пролетариата, сталкиваясь с самыми передовыми гигантами буржуазии, её самыми острыми умами, теми, кто на известных фазах капиталистического развития пытался делать *экономическую науку*, стремился представить не только видимые ветви, «внешнюю видимость»¹ системы и мира, всё более и более переполненного товарами и деньгами, но и понять, какова их «внутренняя связь»², прилагал усилия к тому, чтобы объяснять их *генетику* и самую интимную *физиологию*. Естественно, они могли добиться успеха только в пределах, установленных самим развитием общества.

Маркс пишет в послесловии от 24 января 1873 года ко второму изданию “Капитала”: «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях»³.

Черветто в своих тетрадах⁴, посвящённых методу, осторожно комментирует этот отрывок: «N. V.: ОЧЕНЬ ВАЖНО». «1) Классическая политическая экономия – это наука. Следует отметить, что целый ряд псевдомарксистских “гуманистов”, “праксеологов”, структуралистов стремится подчеркнуть аспект “научной критики идеологии политической экономии” и свести последнюю к идеологии. [...] 2) Маркс, с другой стороны, [объясняет], почему теория может оставаться наукой, даже если в ней содержится

идеология: потому что историческое развитие ещё не детерминировало противоречие между научной и идеологической составляющими теории. 3) Другими словами, можно сказать: до того, как возникнут новые и сильные социальные интересы, историческое развитие ещё не может предопределить разрыв теории [...] 4) Эта диалектическая связь науки и идеологии важна, во-первых, для определения науки, во-вторых, для определения идеологии, в-третьих, для теории трёх источников марксизма и теории привнесения сознания извне».

Маркс продолжает: «Возьмём Англию. Её классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической политической экономии, Рикардо, в конце концов сознательно берёт исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная экономическая наука достигла своего последнего, непереходимого предела»⁵.

Черветто комментирует: «сознательно» означает, что Рикардо «не мистифицирует и не имеет ложного осознания “объективной реальности”, то есть не совершает типичных операций идеологии. Поскольку он “сознательно” представляет объективную реальность, он выполняет работу науки, а не идеологии. Он идеолог лишь постольку, поскольку видит эту действительность не как развивающуюся, а как окончательную [наивно = идеологически]. Но так как эта действительность ещё не развила всех своих противоречий, то буржуазная наука может оставаться наукой. Это не вопрос воли, а важный пример того, как Маркс применяет понятие социальной детерминации надстройки (в данном случае политической экономии). Более того, это пример тезиса Маркса, согласно которому, общество (и наука) решает лишь те проблемы, которые исторически уже возникли, назрели».

Остановимся ещё раз на той части комментария Черветто, где он говорит, что связь науки и идеологии «важна» для «теории привнесения сознания извне» – одного из столпов ленинистской теории партии. Сопроводим размышления Черветто образцовым диалектическим отрывком из “Нищеты философии”. Эту выдержку сделал сам Черветто. Заключительная часть раздела, посвящённого “методу”, из книги, которую можно было бы назвать “Анти-Прудон”, содержит очень важный с точки зрения истории классической экономической науки тезис, который Маркс будет использовать и в других случаях: в ходе своего восхождения буржуазия выработала научное видение общества, но всё изменилось, когда она «взяла верх»: «С этого момента прежний революционный класс становится консервативным»⁶.

Теория буржуазии деградирует от науки к апологии и идеологии, а пролетариат в лице своего авангарда начинает карабкаться по противоположному пути, поднимаясь от утопии к науке.

Прочитируем отрывок из “Нищеты...” Маркса, выписанный Черветто: «Точно так же, как экономисты служат учёными представителями буржуазного класса, социалисты и коммунисты являются теоретиками класса пролетариев. Пока пролетариат не настолько ещё развит, чтобы конституироваться как класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет ещё, следовательно, политического характера и пока производительные силы ещё не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для построения нового общества, – до тех пор эти теоретики являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам угнетённых классов, придумывают различные системы и стремятся найти некую возрождающую науку. Но по мере того как движется вперёд история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчёт в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. [...] Но раз замечена эта сторона, наука, порождённая историческим движением и принимающая в нём участие с полным знанием дела, перестает быть доктринёрской и делается революционной»⁷.

Коммунистам больше не нужна утопия. Они должны стать интерпретаторами, знакомыми с полным массивом фактов, новых отношений между классами, понять, что должна быть освоена «наука, порождённая историческим движением». Маркс со времён “Немецкой

идеологии” очень хорошо знал, что реальное движение порождается мировым рынком. Ранее «учёными представителями» были буржуазные экономисты, но теперь эта роль переходит к представителям пролетариата – коммунистам. В этом отрывке, написанном Марксом в июне 1847 года в его бельгийской эмиграции, накануне съезда, на котором Союз справедливых был преобразован в Союз коммунистов, мы можем увидеть первую формулировку концепции партии-науки и первые ростки понимания того, что «сознание может быть принесено рабочему только извне»⁸. Маркс намечает перспективу, выходящую за рамки непосредственной природы борьбы рабочих: наука о пролетариате созревает, «порождённая» реальным движением, а затем она, «принимающая в нём участие», становится революционной.

Маркс “ленинист” ещё до того, как Ленин стал марксистом. 1848 год и “Манифест Коммунистической партии” уже близко, но для развития “сознания, привнесённого извне” в организованную революционную силу потребуются ещё три поколения пролетариев и коммунистов.

Октябрь 2022 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. С. 398.

² - Там же. С. 399.

³ - Там же. Т. 23. С. 14.

⁴ - Cervetto A. *Opere. Vol. 6: Quaderni: metodo e scienza*. Milano: Lotta comunista, 2015.

⁵ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 14.

⁶ - Там же. Т. 4. С. 143, 144.

⁷ - Там же. С. 146.

⁸ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 79.